

ДОМ НА ШЛАКОБЛОЧНОЙ, 19

В новый дом мы переехали весной 1964 года. Мне не было тогда и шести лет, и я запомнил только гружённые мебелью машины, подъезжающие к дому, и ребятишек, бегающих вокруг этих машин.

Длинный дом тёмно-красного цвета на тринадцать квартир, с отдельным входом для каждой, был по тем временам новым воплощённым в жизнь строительным проектом. Таких домов в нашем Тайшете до того ещё не строили. Вход в каждую квартиру вёл через пристроенные сени, размером примерно полтора на полтора метра. Строители настелили деревянные тротуары, огородили дом невысоким штакетником, соорудив перегородки внутри. Возле каждой квартиры получился огороженный от других участков, под окнами которого можно было поставить скамеечку, стол и сделать парочку грядок. Что с удовольствием и делали жители нашего дома, высаживая на грядках цветы, лук и даже редиску. Но это было не всё. Каждой квартире полагался отдельный сарай, или, как называли некоторые, стайка. Выкрашенные, как и дом, в тёмно-красный цвет, сараи-стайки стояли с

двух сторон от дома. Семь под одной крышей — с западной его стороны, и шесть — с торца, с южной.

Точная копия нашего дома, дом-близнец, почти в то же время появился на окраине улицы Шлакоблочной. Он был отделён от нашего большим огородом и деревянными постройками. Дом-близнец получил такой же номер, как и наш, — девятнадцать. Правда, с припиской в виде буквы «А». Он имел адрес 19 «А». Наш — просто 19.

В оба дома почти одновременно въехали новосёлы, большинство из которых — семьи строителей. В доме 19 «А» жило немало моих сверстников, некоторые потом учились со мной в одном классе, но друзьями они нам не стали. Дом на улице Шлакоблочной за номером 19 жил своей жизнью, а дом номер 19 «А» — своей. Это были два разных мира и две самостоятельные планеты.

Наш дом находился в окружении трёх улиц: Шлакоблочной, Партизанской и имени Тараса Шевченко. С одинаковым успехом он мог иметь адресное название любой из них, но его почему-то приписали к Шлакоблочной. Партизанская была ближе, но наш дом выходил к ней торцом и, кроме того, был отгорожен от улицы длинным сараем и двумя четырёхквартирными домами. От Шлакоблочной его тоже отделяли два дома на четыре хозяина, а кроме того — огороды и небольшой пустырь на пересечении с Партизанской. Говорили, что на месте пустыря по плану должны были построить ещё один дом, но его так и не построили.

С домом по улице Шлакоблочной, 19, у меня связаны наиболее яркие впечатления детства. Улицу, правда, через год или два после того, как мы поселились там, переименовали и дали название по имени

и фамилии первой в мире женщины-космонавта — Валентины Терешковой, но первое её название — Шлакоблочная — до сих пор ассоциируется у меня с годами познания окружающего мира.

Мы жили на Шлакоблочной немного — всего три с половиной года, но едва ли не каждое из событий тех лет до сих пор хранится в моей памяти. Купленный мне букварь и подаренные лыжи, здоровенный петух, живший во дворе дома на улице Партизанской, и злой индюк из дома напротив, школа и привезённый отцом из Риги фильмоскоп. А ещё игры на площадке и за сараями, снежные горки, трамплин, катание на вагонетке, железнодорожный вагон, зачем-то поставленный на пустыре, знакомство с теми, кого я буду помнить всю свою жизнь...

Об этом я попробую рассказать.

ВАГОНЕТКА

Наш дом от домов, приписанных к улице имени Тараса Шевченко, разделяла площадка, на которую выходило окно нашей двенадцатой квартиры. Из окна хорошо был виден и высокий забор на перекрёстке Партизанской и Тараса Шевченко. Угол забора постоянно недосчитывался двух-трёх штакетинок, и через этот проём взрослые и дети попадали на территорию так называемой «фазанки».

В то время я, конечно, не задумывался, почему огороженные забором футбольное поле, два одноэтажных и одно трёхэтажное здание все называли «фазанкой». Став немного старше, узнал, что за забором находится территория профессионально-технического училища и что в былые времена такие

училища, где обучали молодёжь рабочим специальностям, в стране именовались школами фабрично-заводского обучения — школами ФЗО. Школы эти в просторечии окрестили «фазанками», а учащихся школ — «фазанами» (особенно интриговало слово «фазаны» с ударением на последнем слоге). В середине шестидесятых годов двадцатого столетия фабрично-заводское обучение повсеместно заменили на профессионально-техническое, сменив название учебных заведений, но в народе ещё примерно с десятков лет, а то и больше, профтехучилища называли «фазанками».

Через дыру в заборе «фазанки» смело пролазили маленькие дети, подростки, взрослые и даже старики. Детвора возле футбольного поля ловила бабочек, пацаны постарше бегали по полю за мячом, а взрослые и старики прилично сокращали себе путь, если прокладывали маршрут через футбольное поле, мимо учебного корпуса, выходя на улицу Крупской, а потом к центральному гастроному или автобусной остановке на улице Гагарина.

И ещё один повод был у взрослых и подростков проникнуть через дыру в заборе на территорию «фазанки». Там располагалась столярка — столярная мастерская, от которой на полутораметровой высоте тянулась метров на двадцать узкая железнодорожная колея. Иногда на рельсах появлялась вагонетка, гружённая опилками и оставшимися после распиловки кусками дерева — опилами. Опилки и опилы катили по сложенной из шпал и сбитых досок возвышенности и высыпали по обоим краям в конце пути. Вот за этими опилками и опилами ходили с мешками и ведрами взрослые и подростки. Опилки применялись на подсыпку в сараях, где многие жители

близлежащих от «фазанки» домов держали курей и поросят. Опилы большей частью шли на растопку или в качестве подставок под сковородки и цветочные горшки.

Среди пацанов моего возраста и чуть постарше считалось за счастье прокатиться на вагонетке. Особенно когда она оставалась на рельсах без присмотра. Это был праздник! Человек по десять, а то и по двенадцать окружали вагонетку. Самые смелые (четверо-пятеро) с восторгом забирались в неё пассажирами, а остальные (катальщики) с не меньшей радостью начинали возить их по узкоколейке до мастерской и обратно. Иногда разогнанная вагонетка набирала сумасшедшую скорость и, уже не контролируемая толкающими, врезалась с ходу в двери столярной мастерской или упор тупика. Случалось, что и переворачивалась, и даже падала вниз. Как говорили, «уходила под откос». Удивительное дело: на моей памяти не было ни одного несчастного случая. «Пассажиры» пущенной «под откос» вагонетки, приземлившись, в худшем случае отделялись царапинами и лёгкими ушибами, в лучшем — небольшим испугом. Выбираясь из рухнувшей на землю вагонетки, они с хохотом и визгом бежали вслед за далеко уже умчавшимися от них катальщиками.

Но чаще дело до аварий не доходило. Катания наши прекращали выбежавшие вместе с мастером из столярки «фазаны» или сторож. Завидев их, ребячьи стремглав мчалась к спасительной дыре в заборе и покидала территорию «фазанки», а вагонетку загоняли в мастерскую.

Зато сколько потом было впечатлений! Бурные, с перебивкой друг друга, эмоциональные рассказы тех, кто был пассажиром, и тех, кто толкал. Во дворах

нашего и соседних домов пацанов не принимали в компанию, если они хоть один раз не прокатились на вагонетке. Да таких, наверное, в возрасте от шести до двенадцати лет у нас и не было.

И я не скрывал восторга, впервые прокатившись на вагонетке. Хорошо помню, как я был счастлив тем, что за лето 1965 года (а может, 1966-го, сейчас точно не скажу) мне удалось целых два раза прокатиться по «фазанской» узкоколейке и, что не менее важно, ни разу не перевернуться и не быть застуканным при этом ни сторожем, ни «фазанами» с мастером.

ВАГОН

Настоящий пассажирский железнодорожный вагон на железных колёсах появился на пустыре возле нашего дома летом 1966 года. Появился вдруг, как из сказки. Вечером его ещё не было, а утром он уже стоял. Никто из моих друзей-приятелей не видел и не слышал, как его привезли. На земле остались следы от гусениц трактора и вмятины от колёс, не предназначенных для движения по земляным и гравийным дорогам. Как выяснилось потом, вагон от ремонтного депо почти через всю улицу Шлакоблочную тащил ранним утром бульдозер. На улице несколько дней виднелись следы-полозья, но потом дождь и проезжающие автомашины свели их на нет. Говорили, что вагон предназначен для строителей, которые начнут всё-таки возводить на пустыре новый дом.

Вагон этот не был похож на пассажирские вагоны, которые ходили через город по Транссибирской магистрали и прибывали на наш вокзал. Те были металлические, а этот — деревянный. Хотя тоже цветом

зелёный. Подножка его была похожа на лесенку, и двери и окна тоже были другими, не похожими на двери и окна вагонов, на которых нам уже приходилось ездить.

— Когда мой папка работал в пэмээсе, мы жили в таком вагоне,— сказал нам, собравшейся малышне, Костя Лавренов.

Костя был старше нас года на два-три. Он уже перешёл в четвёртый класс, был высоким для своего возраста и, скорее всего, поэтому казался нам чуть ли не взрослым. Жил он в своём доме по улице Свободы, примерно за квартал от нас, но тоже пришёл посмотреть на вагон.

Мы не знали, что такое пэмээс, но понимали, что это загадочное слово как-то связано, как и вагон, с железной дорогой.

На вагон посмотреть приходили и приезжали на велосипедах пацаны с отдалённых от нас улиц: Транспортной, Суворова, Шпалозаводской,— и даже из посёлка ремонтно-механического завода. И не только посмотреть. Дети железнодорожников, с самых малых лет приученные к путешествиям в вагонах, сразу проявили инициативу и первыми пошли на обследование вагона. Дверь его оказалась открытой, и они, а следом за ними и мы полезли в вагон.

Примерно за год до этого я с отцом ездил на поезде в Красноярск и представление о вагоне имел. Но всё же этот вагон, который никуда не ехал и в котором не было проводников, был притягательным по-особому. Каждый из нас мог свободно здесь зайти в купе проводников, заглянуть в топку под бачком, где кипятили воду, ну и, конечно же, присесть и прилечь на деревянные полки вагона.

Уже на другой день, с утра, возле вагона началось столпотворение. Знакомые и не знакомые мне пацаны, среди которых были и шестнадцатилетние, занимали в вагоне места. Они оккупировали полки вагона, главным образом верхние. Забирались на них, ложились, открывали окна и приветливо махали проходящим мимо людям. Примерно к полудню все полки стоящего на пустыре вагона были заняты. Причём занятыми оказались и самые верхние, предназначенные для багажа полки, на которых в поездах билеты не продавали. Но в нашем вагоне именно они — верхние третьи полки — оказались самыми престижными. Занять их стало негласным правилом всех старших пацанов — от восьмого класса и старше. Забравшиеся туда чувствовали себя более авторитетными по сравнению с теми, кто располагался ниже. Естественно, на вторые полки залегли пяти-, шести- и семиклассники. Ну а нам, второклашкам и третьеклашкам, достались нижние боковые полки, на которых мы сидели по двое, по трое, а то и по четверо.

На крики верхних наших «пассажиров» с шуткой отзывались взрослые. Уходивший утром на работу наш сосед дядя Роман, отец моей одноклассницы Венерки Мусифуллиной, пожелал нам счастливого пути, а вечером, возвращаясь домой, спросил у торчащих из окна головой наружу «пассажиров», до какой станции они доехали.

— До Москвы! — выкрикнул кто-то бодро.

— Ну, до Москвы вам как до Луны ещё, — сказал на это дядя Роман. — Будем считать, что до соседнего Акульшета вы добрались.

Во второй и последующие дни после появления на пустыре вагона жизнь во дворах улиц Шлакоблочной,

Партизанской, имени Тараса Шевченко, да и некоторых других, вымерла. Во дворах в песочницах и на скамейках были только девчонки. Все пацаны, едва родители уходили на работу, мчались к вагону и занимали места на полках. На третий день старшими было утверждено дежурство. Сначала избрали одного из семиклассников проводником, а потом стали назначать дежурных в каждом плацкарте. Поскольку никто из вагона выходить не хотел, в обязанности дежурных по плацкарту было вменено обеспечение «пассажиров» водой. Для этого они с бутылками, банками и даже вёдрами отправлялись до ближайшей колонки и носили воду в вагон. Иногда дежурные успевали заскочить домой и приносили хлеб, намазанный маслом, свежие огурцы, помидоры и популярную ещё в те годы репку. Надо отдать должное нашим старшим: они по-братски делились едой с нами. Ох, какими казались нам вкусными хрустящие огурцы и сочные помидоры! Даже без соли. А вкус пшеничного хлеба (белого и чёрного), помазанного маслом, я помню до сих пор. Кажется, ничего вкуснее того хлеба я в жизни больше не ел.

Старшие наши «пассажиры», лёжа на полках, рассказывали друг другу, а заодно и нам, разные занимательные истории, которые мы, малышня, сразу же впитывали и запоминали. Именно в то лето я запомнил надолго несколько анекдотов про американских президентов, руководителей нашей страны и истории про то, как Хрущёв в дурдом приезжал.

Самое интересное происходило вечерами. Никто из нас, ни старших, ни младших, домой идти вечером не хотел. Многих из нас в прямом смысле ремнями и палками выгоняли из вагона родители и гнали взащей, плачущих и рыдающих, до дому. Самые

самостоятельные держались до наступления темноты, а потом сами уходили домой. Счастливыми были те, кому родители разрешали ночевать в вагоне. Самые сердобольные мамы сами приносили своим чадам одеяла, матрасы и подушки, расстилали на полках постели и укладывали сыночков на ночлег. Мы с братьями Чугуновыми тоже просились у родителей на ночёвку. Витьку и Сашку родители отпустили, а меня — нет.

Не пришлось мне ночевать в том легендарном вагоне. Простоял он на нашем пустыре недолго. Может, неделю, может, чуть больше. Строители так и не появились, а вагон увезли. Снова ранним утром и, скорее всего, тем же путём, что и привозили. Вечером он ещё стоял, а утром, когда мы проснулись, его уже не было. Костя Лавренов был одним из последних, кто ночевал в вагоне.

— Подкатил трактор часов в шесть утра,— рассказывал он нам.— Тракторист выпер нас на улицу вместе с манатками, подцепил вагон и утащил его по Шлакоблочной.

От колёс вагона там, где он стоял, остались на земле большие вмятины, которые были видны и на следующее, и даже последующее за ним лето.

Вагонов больше к нашим домам не привозили, и пустырь так и остался незастроенным, но история о вагоне жила несколько лет во дворах домов улиц Шлакоблочной, Партизанской, имени Тараса Шевченко и некоторых других и передавалась из одного поколения пацанов другому.